

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.О. Печатнов*

УРОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ США И СССР НА ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья посвящена изучению стратегических уроков Второй мировой войны и ее воздействия на военно-политическое мышление руководства США и СССР. С помощью привлечения широкого круга источников, включая материалы американских и российских архивов, объясняется процесс формирования в обеих странах новых представлений о путях обеспечения безопасности с учетом опыта войны и производится поиск ключевых закономерностей оформления биполярного противостояния. Автор приходит к выводу, что при наличии общего «комплекса уязвимости» и победе «идеологии постоянной боеготовности» в обеих странах возникновение «холодной войны» было обусловлено в большей степени утверждением в США концепций «неограниченной глобальной безопасности» и глобального лидерства, нежели формулированием ограниченных и по своей сути оборонительных стратегических запросов советским руководством.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военно-стратегическое планирование, военная безопасность, комплекс уязвимости, идеология постоянной боеготовности, геополитика, «Pax Americana», «советская угроза».

The article explores the strategic lessons of the World War II and its impact on the military-political thinking in the U.S. and the Soviet Union. On the basis of a wide range of historical sources including the documents from American and Russian archives it explains the development of the new security strategies based on the analysis of the war experiences and summarizes the key causes of bipolar confrontation. The conclusion is drawn that regardless of the common “vulnerability syndrome” and the victory of the “permanent battle-readiness ideology” in both countries the Cold War was caused to a larger extent by the affirmation of “unlimited global security” doctrine in the U.S. than by the limited and essentially defensive strategic goals of the Soviet leadership.

---

* Печатнов Владимир Олегович, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД РФ (e-mail: pechatnov@gmail.com).

Key words: World War II, military-strategic planning, military security, vulnerability syndrome, permanent battle readiness, geopolitics, Pax Americana, Soviet threat.

Глубокое и долгосрочное воздействие мировых войн на мировую политику — хорошо известный феномен, давно изучаемый в отечественной и зарубежной науке с разных сторон. Основное внимание при этом традиционно уделяется анализу структурных факторов: изменений в соотношении сил между ведущими акторами, перекройке границ и сфер влияния и в целом — формированию новой послевоенной системы международных отношений, будь то Вестфальская, Версальско-Вашингтонская или Ялтинско-Потсдамская. Вторая мировая война в этом свете обычно рассматривается как пролог холодной войны, заложивший ее предпосылки в виде биполярного распределения мощи, образования вакуумов силы в ключевых регионах мира и последовавшего за этим соперничества за влияние в них между конкурирующими силовыми центрами, обостренного системно-идеологическим фактором. Концентрация внимания на одних структурных последствиях гигантского конфликта не только обедняет осмысление исторического значения самой Второй мировой войны (как отмечают ее видные историки) [32, р. 352—253], но и не исчерпывает всех аспектов ее воздействия на послевоенное мироустройство. Один из таких сравнительно малоизученных аспектов (по крайней мере, в отечественной литературе) — стратегические уроки войны, ее воздействие на военно-политическое мышление основных участников мировой политики. Между тем, эти новые представления о путях обеспечения безопасности с учетом уроков и опыта войны во многом служили концептуальной основой послевоенной политики великих держав. Данная статья является попыткой хотя бы кратко очертить основные направления этого стратегического пересмотра на примере США и СССР.

* * *

Решение этой задачи в американском случае облегчается наличием обширной источниковой базы в виде большого массива документов военно-дипломатических архивов США, а также ряда интересных исследований американских историков, опирающихся на эти документы [33; 35; 37]. Анализ данных материалов приводит к общему выводу о том, что Вторая мировая война оказала поистине революционное воздействие на стратегическое мышление американских военных и политиков.

Во-первых, несмотря на победный для США финал и сравнительно небольшие людские потери она породила в Вашингтоне новый комплекс уязвимости. Страна, приученная к «дармовой

безопасности» и малым военным усилиям, впервые испытала шок внезапного нападения и угрозу поражения в затяжной глобальной войне, чреватого как минимум ее губительной изоляцией в пределах Западного полушария. Вторая на памяти одного поколения мировая бойня придавала большой войне угрожающую регулярность, а новые средства ее ведения — стратегические бомбардировки, подводная война, ракетное и атомное оружие — девальвировали давнее преимущество географической защищенности Америки. Перл-Харбор, говорил на слушаниях в Конгрессе в начале 1945 г. глава Управления военных исследований и разработок известный американский физик Ванневар Буш, «был лишь слабым предупреждением о том, что может произойти в будущем. Новые немецкие бомбы и ракеты, наши Б-29, многие электронные приборы, неизвестные еще пять лет назад, являются предшественниками вооружений, которые будут обладать подавляющей мощностью, способностью применяться внезапно, безо всякого предупреждения, не встречая эффективных защитных или ответных мер».

Новые вооружения и технологии ведения войны сжимали не только спасительное пространство, но и время, не оставляя зазора на военную конверсию промышленности, затяжную мобилизацию и подготовку личного состава вооруженных сил, который имели Соединенные Штаты в предыдущих мировых войнах, в том числе — за счет сражавшихся союзников. «Дважды нам едва удалось удержаться на плаву благодаря тому, что у нас было время подготовиться, пока другие воевали», — напоминал на тех же слушаниях В. Буш [35, р. 131]. Следующая тотальная война, как представлялось, вряд ли предоставит США такую возможность. «Еще одна большая война в худшем случае разрушит Соединенные Штаты, а в лучшем — может быть выиграна лишь ценой устрашающих людских и материальных потерь, — говорилось в одном из первых набросков послевоенной стратегии, законченном планировщиками КНШ в июле 1945 г. под свежим впечатлением от взрыва в Аламогордо. — Любой будущий конфликт между ведущими державами практически наверняка выльется в третью мировую войну, участия в которой нам ни в коем случае не избежать. Любой потенциальный враг, учитывая уроки Первой и Второй мировых войн, не станет повторять их ошибок, давая нам время для мобилизации вооруженных сил и производственных ресурсов; США будут атакованы первыми» [23].

Отсюда следовал ключевой вывод, сформулированный по всем законам военной логики: США и после войны должны постоянно поддерживать военно-промышленный потенциал и боеготовность, достаточные для сдерживания, а в случае войны — и разгрома любого потенциального противника. Соответственно уже предварительные планы видов вооруженных сил и КНШ 1943—1944 гг. на послевоенный период предусматривали сохранение костяка своего

личного состава и боевой техники, а также основы военной промышленности, продолжение усиленных научно-исследовательских разработок в военной области, введение всеобщего военного обучения [35, ch. 3]. Короче говоря, к концу войны в военных кругах сформировалась «идеология постоянной боеготовности», по выражению историка М. Шерри.

Другим уроком войны стала недопустимость повторения близорукой политики умиротворения агрессора, проводившейся западными державами в конце 1930-х гг. («мюнхенский синдром»). С учетом разрушительного характера современной войны и преимущества внезапного нападения, продемонстрированного странами «оси», военное командование США теперь готовилось не только к решительному отпору будущему агрессору, но и рассматривало возможность нанесения по нему упреждающих ударов, а также стремилось отвести будущие боевые действия как можно дальше от американской территории. «Поскольку агрессор получает огромное преимущество, используя методы Перл-Харбора и нападения на Польшу, — писал один из самых авторитетных гражданских стратегов США Э. Эрл, — понятие “оборона” утрачивает большую часть былого смысла, как и понятие “мир”. Если страна не готова нанести упреждающий удар, она может быть неспособна к эффективной обороне». «Если мы хотим спасти страну от ужасов и разрушений войны, — говорил министр ВМС Дж. Форрестол, — мы должны наносить удары по нашим врагам на большом расстоянии от наших берегов» [35, p. 54].

Установка на оборону «дальних подступов», а также сам опыт глобальной войны 1941—1945 гг. способствовали еще одному коренному сдвигу в американской стратегии — переходу от концепции континентальной обороны, или обороны Западного полушария (continental/hemispheric defense), служившей основой довоенного стратегического планирования, к глобальной концепции обороны. «На практике мы не можем более удовлетворяться обороной полушария как основой нашей безопасности, — говорил Дж. Маршалл, — мы должны заботиться о мире во всем мире» [35, p. 202].

Согласно этому новому взгляду, для предотвращения стратегических провалов Первой и Второй мировых войн США должны были обеспечить свое военное присутствие в ключевых стратегических регионах мира и обладать потенциалом глобального проецирования мощи, достаточным для подавления агрессора в любом из этих регионов. В соответствии с выкладками резко усилившей свое влияние в годы войны геополитической школы (Г. Маккиндер, Н. Спайкман) и с учетом опыта обеих мировых войн ключом к мировому балансу сил и главным источником стратегических угроз стало считаться сухопутное пространство Евразии, контроль над которым со стороны враждебного Соединенным Штатам государ-

ства или коалиции государств представлялся недопустимой угрозой жизненным интересам Америки.

Особое хождение (прежде всего среди командования ВВС и ВМС) получил тезис Н. Спайкмана о ключевой стратегической роли «окаймлений» (rimlands) Евразии, с которых можно было проецировать военную мощь вглубь евразийского пространства, труднодоступного для постоянного военного присутствия США [36, р. 462]. Уже первый план создания заграничных военных баз на послевоенный период, подготовленный в 1943 г., предусматривал расширение стратегического периметра обороны США за пределы Западного полушария путем обеспечения доминирования в Атлантике и Тихом океане, а также на Дальнем Востоке. К осени 1945 г. КНШ разработал еще более амбициозный план послевоенного базирования, в котором район дислокации только главных опорных баз охватывал акваторию Тихого океана (от Новой Зеландии через Филиппины к Аляске и Алеутовым островам), арктический воздушный коридор (Ньюфаундленд и Исландия), Восточную Атлантику (Азорские острова), Карибский бассейн и зону Панамского канала. Кроме того, планировалась глобальная сеть баз второго и вспомогательного эшелона. Надлежало также обеспечить постоянные права на авиатранзит по линии Манила — Бангкок — Рангун — Калькутта — Дели — Карачи — Дахран — Каир — Триполи — Касабланка [33, р. 56—59].

Эта глобальная военная инфраструктура должна была обеспечить не только защиту США от нападения извне, но и возможность разгрома противника в любом районе земного шара. Что не менее важно, создавалась глубина обороны, препятствующая превращению территории самих Соединенных Штатов в театр военных действий. Как объяснял своим коллегам глава оперативного управления штаба сухопутных сил генерал Дж. Линкольн, «нам придется идти на военное вмешательство в Европе или Азии, поскольку мы не планируем оказаться в ситуации, когда военные действия будут развертываться в США» [18].

Идеологической основой этих военных планов стала идея глобального лидерства Америки как необходимого условия поддержания мировой стабильности и предотвращения новой мировой войны. Традиционное для заокеанской республики мессианство с его уверенностью в универсальности американских принципов и благодати американской мощи теперь сплеталось с новым ощущением безграничных возможностей страны, вышедшей из потрясений мирового кризиса и войны сильнейшей в мире державой [26, с. 566—569]. Другой традиционный принцип американской стратегии — свобода рук (оборачивавшийся недоверием к коллективному обеспечению безопасности, в том числе в рамках создававшейся ООН) сочетался с новым убеждением, вынесенным

военно-политической элитой страны из суммарного опыта обеих мировых войн: без лидерства (и присмотра) США Старый Свет вновь станет жертвой своих периодических безумств, от которых спасти его опять придется Америке.

Военно-силовым измерением идеологии «*Rex Americana*» явилась новая роль США как «мирового полицейского», призванного поддерживать порядок в мире и не допускать новых больших войн. Новые цели военной политики уже не сводились к обеспечению безопасности самих США, но заключались в «поддержании мира во всем мире на условиях, обеспечивающих безопасность, процветание и прогресс нашей страны», как говорилось в программном докладе КНШ о послевоенной стратегии (КНШ-1496, сентябрь 1945 г.) [11]. Необходимым условием подобной профилактики мировых конфликтов виделось поддержание подавляющего военного превосходства США над потенциальными противниками в качестве главного средства сдерживания будущих агрессоров. США, заявлял на слушаниях в Конгрессе Дж. Форрестол, будут в состоянии предотвратить будущие Перл-Харборы, только если станут сильными настолько, чтобы «сделать очевидным следующее — никто не может даже надеяться выиграть войну против нас» [35, р. 133]. При этом американские планировщики исходили из принципа: «то, что хорошо для Америки, хорошо и для остального мира», и не задумывались о том, что у остального мира может быть иное отношение к «мировому полицейскому».

Таким образом, уже к концу Второй мировой войны в военном командовании США сложились все основные компоненты нового «стратегического консенсуса»: глобальное понимание безопасности и новой роли Америки в мире, необходимость поддержания подавляющего военно-стратегического превосходства и постоянной боеготовности, ставка на использование военной силы в одностороннем и даже превентивном порядке. Не хватало только реального противника, который смог бы придать практическое оправдание этим новым глобальным амбициям и послужить основанием для конкретного военно-политического планирования.

Поначалу эта роль по инерции отводилась Германии и Японии, затем идентификация потенциального противника стала более размытой — появился расплывчатый образ «новых тоталитарных государств». Однако уже после решающего поворота в ходе войны этот образ стал приобретать все более советские очертания. Стало ясно, что СССР выйдет из войны великой военной державой с укрепившимися геополитическими позициями и будет представлять второй после США мировой центр силы. «Если СССР выйдет из этой войны покорителем Германии, — писал летом 1943 г. Г. Маккиндер, — он станет самой мощной сухопутной державой мира».

Что еще важнее, Советский Союз будет контролировать «величайшую естественную крепость Земли» — евразийский «хартлэнд» [34]. Озабоченность этим грядущим тектоническим сдвигом в мировом балансе сил как потенциальной угрозой для США постепенно стала проникать в академические и военно-политические круги, занятые внешнеполитическим планированием [28, с. 212—213].

Утверждению такой позиции мешала потребность в сотрудничестве с Советским Союзом, необходимым для окончательного разгрома Германии и Японии. Не удивительно, что и президент Ф. Рузвельт, и высшее военное руководство (Г. Стимсон, Дж. Маршалл) сдерживали антисоветскую «фронду» своих военных и дипломатов. Тем не менее, оценки советского потенциала и намерений становились все более тревожными.

Пожалуй, самое первое развернутое геополитическое обоснование «советской угрозы» содержалось в апрельском (1945) докладе Управления стратегических служб при КНШ «Проблемы и цели политики Соединенных Штатов». В его основе лежало представление об СССР как о новом, по завершению разгрома Германии и Японии, «евразийском гегемоне», способном в силу сохраняющихся у него «экспансионистских устремлений» и ресурсов «стать для США самой зловещей угрозой из всех известных до сих пор». В качестве основных средств «профилактического сдерживания» этой угрозы предлагалось исключить советское влияние в Японии и не допустить его распространения на всю Германию и Китай, а также создать эшелонированную систему обороны США. Ее «первой линией» должен был стать американо-западноевропейский военно-политический блок в Европе, второй — сеть военных баз «от Исландии и Гренландии до Карибского бассейна» и третьей (на случай краха первых двух) — система «общей обороны всех Америк». Уйти из Европы после окончания войны, предупреджали авторы доклада, будет равнозначно «приглашению России к берегам Атлантики и чревато риском оказаться лицом к лицу с Россией, подмявшей под себя всю Европу» [17]. Проигнорированный Ф. Рузвельтом, доклад получил широкий резонанс среди высшего военного руководства и был доложен новому президенту Г. Трумэну в начале мая 1945 г.

К Потсдамской конференции подобная оценка «советской угрозы» военным командованием США стала уже преобладающей, о чем, в частности, говорил подготовленный к Потсдаму доклад Оперативного управления штаба сухопутных сил «Позиции США в отношении советских намерений экспансии». Эта «экспансия» характеризовалась в нем как глобально-неограниченная по целям и «оппортунистическая» по методам. Районом «наибольшей стратегической угрозы» считалась Турция, поскольку выход СССР на

Карское плато и Проливы будет означать начало «двойного охвата Малой Азии» с перспективой распространения советского контроля на Эгейское море и Восточное Средиземноморье. Следующим этапом «советской экспансии» в Европе называлась дестабилизация ситуации на западе континента с целью укрепления там просоветских сил. Не исключалась и возможность применения Советским Союзом военной силы, особенно по мере сокращения военного присутствия США на континенте. В свете подобного сценария ключевое значение приобретала Великобритания, которая, как говорилось в докладе, является «европейской душой» «кучки сравнительно маломощных стран (Западной Европы. — *В.П.*), возможно, еще готовых сражаться с нами против России». Отсюда был сделан вывод о необходимости всемерной поддержки интересов Британской империи в Турции, Средиземноморье и других районах.

В Иране и континентальной Азии СССР, как считалось, может легко захватить Монголию, Манчжурию и Корею, а также победить в борьбе за влияние в Китае. После этого, прогнозировали авторы доклада, СССР посягнет и на стратегическую вотчину США — Западное полушарие. Для срыва этих воображаемых планов рекомендовалось оказывать решительное политическое противодействие советским притязаниям в Турции и Иране, распространению военного присутствия СССР на Тайвань, японские острова и к югу от реки Янцзы в Китае [22].

Следующим важным этапом в определении будущего противника стала осень 1945 г., когда планировщики КНШ разработали новую «Стратегическую концепцию и план использования вооруженных сил США», основанные на том, что «единственной ведущей державой, с которой США могут войти в конфликт, неразрешимый в рамках ООН, является СССР» [20]. Пока еще это было гипотетическое планирование на случай «наихудшего варианта» — «развала отношений между ведущими странами и возникновения угрозы третьей мировой войны», наиболее вероятным *casus belli* в которой считалось «продемонстрированное намерение» СССР захватить Западную Европу или Китай [12]. Тем не менее, предложенная КНШ «Стратегическая концепция разгрома России» стала быстро обретать плоть конкретных военных планов: уже в октябре 1945 г. был разработан первый из них, предусматривавший стратегические бомбардировки 20 крупнейших советских городов с использованием атомного оружия [8].

Таким образом, за какие-то несколько месяцев в военно-стратегическом планировании США СССР превратился из союзника в противника. Даже симпатизирующий Пентагону военный историк М. Столер пишет об «удивительной быстроте» этого пересмотра, который по существу привел к полной смене «стратегической

парадигмы»: «старая парадигма, включавшая в себя антибританский компонент, была основана на ограниченном понимании потребностей национальной безопасности США, которые вовсе не противоречили столь же ограниченной трактовке советских стратегических потребностей. Новая парадигма, напротив, исходила из неограниченного глобального понимания безопасности США и целей СССР, коренного конфликта интересов двух сверхдержав и совпадения британских интересов с американскими» [37, р. 268—269]. Понимание безопасности США приобретало все более глобальный и абсолютный характер. «В конечном счете, — отмечалось в докладе КНШ начала 1946 г., — важнейший военный фактор обеспечения безопасности мира — это абсолютная военная безопасность Соединенных Штатов» [13].

Традиционная американская интерпретация причин столь стремительного пересмотра обычно сводится к реакции на советские действия лета—осени 1945 г. (усиление давления на Турцию и Иран, ужесточение политики в Польше и Румынии, неуступчивость в ходе Лондонской сессии СМВД) в условиях, когда отпала общая для всех германская и японская угроза. Думается, однако, что эти тактические изменения в советской политике сами по себе явно не давали достаточных оснований для такого поворота в американской стратегии. Но они воспринимались через искривленную призму того «неограниченного глобального понимания безопасности», которое было вынесено из опыта Второй мировой войны. Военно-политическое руководство США было предрасположено видеть в Советском Союзе новую большую угрозу, поскольку только СССР располагал набором характеристик, необходимым для роли нового глобального конкурента: стратегическим расположением в центре Евразии, огромными военными ресурсами и боевой мощью, убедительно продемонстрированной в ходе войны, чуждыми для США универсальной идеологией и политическим строем.

К этому добавлялись большие опасения в связи с перспективой обвальной демобилизации и демонтажа всего военно-промышленно-научного комплекса США, созданного в годы войны. СССР представлялся идеальным функциональным эквивалентом фашистской угрозы, дающим как нельзя более подходящее и единственно возможное оправдание сохранения и дальнейшего наращивания американской военной мощи. Доказать стране необходимость выделения «огромных финансовых, людских и промышленных ресурсов для подготовки США к войне в скором будущем после того, как мы только что разгромили две великие державы, — писал своему начальству генерал Дж. Линкольн, — будет реально, только если мы сможем назвать конкретное государство — мощное и потенциально враждебное, с которым у нас есть

конкретный конфликт, способный в недалеком будущем привести к войне» [15]. «Советская угроза» стала удобным обоснованием повышенных запросов всех видов вооруженных сил в их межведомственной борьбе за долю военного бюджета [35, р. 218—219].

Подобной идентификации противника помогала и ставшая популярной в Вашингтоне ассоциация советского режима с нацистским на основе некоторых схожих внешних черт — политическая диктатура, «экспансионистская» официальная идеология, враждебная либеральной демократии, и т.д. [30]. К началу 1946 г. мотивы и характер советской политики уже трактовались в Пентагоне однозначно по аналогии с фашизмом: СССР стремится к «доминированию над Евразией и стратегическими подступами к ней», а «многие аспекты внешней и внутренней политики Кремля разительно напоминают политику Гитлера перед Второй мировой войной» [16]. Это, в свою очередь, влекло за собой распространение на вчерашнего союзника свода правил обращения с тоталитарными режимами, вынесенного из опыта войны: тщетность и недопустимость «умиротворения», бесполезность переговоров, ставка на слом и уничтожение «агрессора».

Не имело значения, что имманентная агрессивность СССР была еще не доказана, а исходящая от него угроза носила преимущественно гипотетический характер — действовала свойственная американской стратегической культуре тенденция к перестраховке и планированию по «наихудшему варианту». США, утверждали эксперты УСС, «никак не могут ждать, пока русская политика обнаружит себя полностью», ибо «подавляющим императивом ситуации является *будущий* (курсив наш. — В.П.) военный потенциал России и та огромная угроза, которую она будет представлять для Соединенных Штатов, если преуспееет в объединении ресурсов Европы и Азии под своим контролем» [17].

В целом, нельзя не согласиться с выводом американского историка М. Шерри — первого, кто детально исследовал формирование «идеологии боеготовности» в годы войны: «Еще до начала холодной войны появился ее менталитет — тревога за безопасность страны и решимость полностью использовать все ресурсы для ее защиты. Этот менталитет возник прежде всего как реакция на опыт войны... Советская политика и появление атомного оружия представлялись угрожающими отчасти потому, что люди, принимавшие решения, рассматривали их в контексте зловещих исторических и технологических тенденций предшествующих лет. В свою очередь, выход на арену мощного советского государства как бы подтверждал и усиливал тревогу за безопасность страны, порожденную войной» [35, р. 235].

* * *

Анализ стратегических уроков Второй мировой войны, извлеченных советским руководством, представляет собой более сложную задачу ввиду нехватки доступных исследователям документальных данных, особенно по военному планированию. Тем не менее, основные моменты здесь можно восстановить по конкретным военно-политическим шагам, а также по отдельным планам и прогнозам. При этом выясняется наличие некоторых любопытных параллелей с американским опытом.

В первую очередь это касается уже отмеченного комплекса уязвимости. Если даже в благополучных США среди руководства было распространено ощущение «тревог победы» [31], то что же говорить о Советском Союзе, истощенном огромными материальными и людскими потерями, пережившем длительную вражескую оккупацию, само существование которого было поставлено на карту. Не удивительно, что советское руководство было преисполнено решимости не допустить повторения подобной катастрофы в будущем.

Война привела к укреплению геополитических позиций СССР, но она же показала и зияющие бреши в обеспечении безопасности страны: проницаемость ее западных границ, отсутствие надежных союзников и стратегических опорных пунктов за пределами страны, ограниченность выхода в мировой океан, острую нехватку потенциала проецирования мощи (стратегической и транспортной авиации, современного океанского флота), недостаточность военно-технологической базы. Победа давала уникальную возможность ослабить эти уязвимости, перевести огромные жертвы советского народа и военные успехи Красной Армии в долговременное укрепление международных позиций СССР и тем самым — взять реванш за поражения России в неудачных войнах предшествовавших десятилетий.

Главной стратегической задачей оставалась защита огромной и уязвимой территории страны. В политическом плане это предполагало предотвращение возникновения враждебной коалиции держав, превосходящих по своей военной мощи Советский Союз. Долговременное обезвреживание Германии (а в Азии — Японии) в сочетании с ожидавшимся военным уходом США из Европы сулило благоприятный военный баланс на европейском континенте, при котором, как писал в своей известной записке 1944 г. «Желательные основы послевоенного мира» И.М. Майский, «в послевоенной Европе была бы только одна могущественная сухопутная держава — СССР и только одна могущественная морская держава — Англия» [4].

В геополитическом отношении главное решение виделось в наращивании глубины обороны, прежде всего на западном направ-

лении, служившем основным коридором вражеских вторжений. Подобное «географическое» (по словам М.М. Литвинова) понимание безопасности в западной литературе обычно считается «сталинским архаизмом», хотя оно, как мы уже видели, было не в меньшей степени свойственно и американским планировщикам, с той разницей, что в случае США эта глубина обороны была гораздо более протяженной. С учетом опыта войны и межвоенного периода («санитарный кордон»), когда большинство стран Восточной Европы служили средством изоляции СССР, а позднее присоединились к странам «оси», главным способом решения этой задачи стало сохранение западных границ 1941 г. вкуче с созданием буферной зоны из так называемых дружественных государств, которые бы шли в фарватере советской внешней политики.

На Дальнем Востоке та же задача решалась возвращением территорий и прав, утраченных Россией в войне с Японией или уступленных ей позднее (Южный Сахалин, Порт-Артур, порт Дальний, КВЖД и ЮМЖД), а также Южных Курил. В сочетании с планировавшимся советским участием в оккупации Северного Хоккайдо это обеспечивало бы полный контроль над Охотским морем и устойчивый выход в Тихий океан.

Самым уязвимым флангом оставалась южная граница СССР в районе Закавказья с выходом на Турцию и Иран и расположенными поблизости главными месторождениями нефти и производственными мощностями по ее переработке. Это признавала в своих оценках и разведка США [19], а в Москве хорошо понимали, что в случае войны район Баку станет одной из главных стратегических целей противника (о чем свидетельствовали и известные в Кремле англо-американские планы его бомбардировок в 1940 г.). Опыт войны также показал стратегическое значение Ирана как транзитного коридора, ведущего к территории СССР: Иран, писал в той же записке И.М. Майский, «прикрывает наш Кавказ и обеспечивает нашу связь с Персидским заливом» [4]. В этом контексте следует рассматривать масштабный проект создания про-советского Иранского Азербайджана на севере Ирана, продолжавший в новой форме усилия царской дипломатии рубежа XIX—XX вв. по укреплению там сферы влияния России в пику Великобритании [25, с. 121—129]. Сюда же можно отнести и попытку летом 1945 г. вернуть пограничные районы Карса и Ардагана, отошедшие в 1921 г. к Турции (когда, по словам В.М. Молотова в беседе с турецким послом, СССР «был обижен в территориальном вопросе») [1].

Другой важнейший урок войны состоял в необходимости обеспечения свободного выхода через Балтийское и Черное моря, которые активно использовались германским флотом против СССР. С этой целью советская дипломатия добилась передачи Кенигсберга с прилегающим к нему районом Восточной Пруссии. Это решение

«имеет для Советского Союза большое значение, — с удовлетворением отмечал В.М. Молотов в ориентировке для НКВД по итогам Потсдамской конференции. — У нас будет свой незамерзающий порт на Балтийском море, причем этот кусок германской территории непосредственно присоединяется к СССР» [3].

Большое значение придавалось и укреплению советского влияния над режимом балтийских проливов. Они, подчеркивал М.М. Литвинов в специальной записке на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, лежат «на линии коммуникаций между советскими портами Балтийского моря и портами СССР в Ледовитом океане, в Белом и Черном море и в Тихом океане... и имеют такое же значение для Советского Союза, как, например, Панамский канал для США... Опыт Первой и Второй мировых войн показывает, какой ущерб может быть нанесен Советскому Союзу при овладении господством над проливами враждебным государством и разъединении советских балтийских портов со всем остальным миром» [2]. Если М.М. Литвинов делал основной упор на интернационализацию Кильского канала и балтийских проливов, то НКВМФ и соответствующий территориальный отдел НКВД предлагали навязать Норвегии и Дании соглашения о совместной обороне архипелага Шпицберген и острова Борнхольм (соответствующая попытка была предпринята в 1944—1945 гг., но оставлена ввиду сильного сопротивления скандинавов и поддерживавших их западных союзников) [7, с. 36, 283—286].

По той же схеме, хотя и с гораздо большим нажимом, осуществлялось давление на Турцию в целях обеспечения свободного прохода через черноморские проливы. Еще в 1944—1945 гг. эксперты НКВД разработали несколько вариантов решения проблемы, начиная с частичного пересмотра конвенции Монтре и заканчивая совместной советско-турецкой охраной проливов с предоставлением Советскому Союзу военно-морской базы в этой зоне¹. И.В. Сталин, как известно, выбрал последний, наиболее радикальный вариант, но после ряда безуспешных попыток был вынужден от него отказаться. Потерпел неудачу и «средиземноморский проект» советской дипломатии — попытка заполучить под свою опеку бывшие колонии Италии в Средиземноморье с тем, чтобы «вклиниться в Средиземное море» (по словам В.М. Молотова из пояснительной телеграммы в адрес П. Тольятти)², заложив возможность советского присутствия в этом регионе на будущее. Вместе с тем И.В. Сталин отверг наиболее амбициозные рецепты некоторых своих дипломатов и военных по расширению советской сферы влияния на западе и севере Европы.

¹ Идея «совместной обороны» проливов была выдвинута еще царской дипломатией [5, с. 94—96].

² «Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю...» [6, с. 97].

В целом, «стратегическая дезидерата» советского руководства шла в русле традиционных геополитических устремлений России и при всей своей амбициозности не имела масштаба глобальной геополитической или идеологической экспансии. Она представлялась в Москве обоснованной не только стратегически, но и морально-политически, ибо считалась заслуженной долей геополитических трофеев войны, по праву причитающейся Советскому Союзу за его огромные потери и решающий вклад в разгром фашизма. По этой логике СССР, превратившийся за годы войны из международной парии в общепризнанную великую державу, имел, по крайней мере, не меньше прав, чем США и Великобритания, на свою сферу влияния³. Такому пониманию равенства способствовал и укрепившийся к концу войны великодержавный настрой, который И.В. Сталин усиленно насаждал среди своих подчиненных [28, с. 434, 477].

Стратегическая обоснованность большей части этих геополитических запросов СССР поначалу признавалась и на Западе — как во внутренних оценках англо-американских военных и дипломатов [14], так и в открытой печати. Например, в большой статье, написанной через две недели после капитуляции Германии, один из ведущих военных обозревателей США Г. Болдуин писал, что с «чисто стратегической точки зрения» интересы «национальной безопасности России требуют защиты границ и выхода в мировой океан». «На Западе русские стратегические запросы нацелены на расширение политического, военного и экономического влияния России к западу от ее традиционных границ. Эта стратегическая цель объясняет создание ряда буферных государств вдоль западных границ в качестве санитарного кордона, но не против России, а для ее защиты». На востоке, продолжал Г. Болдуин, главным стратегическим фактором для СССР является «близость транссибирской железнодорожной магистрали к границе с Манчжурией и географическая уязвимость Владивостока и Приморья», что предполагает советское преобладание в Северной Манчжурии и Корее, контроль над КВЖД и ЮМЖД. Что касается выхода в мировой океан, то он «диктует необходимость контроля над Петсамо, Триестом, Дарданеллами и входом в Балтийское море, влияния в Иране и районе Персидского залива». А на Дальнем Востоке «российское стремление к контролю над всем Сахалином и японскими Курилами, перекрывающими морские пути к сибирским портам России, также является стратегически объяснимым» [21].

Однако после окончания войны эти запросы стали представляться явно чрезмерными и не соответствующими интересам без-

³ Именно так мотивировал И.В. Сталин в беседе с Э. Бевиным (декабрь 1945 г.) советскую заявку на управление одной из бывших итальянских колоний [10, 1967, р. 775—776].

опасности СССР, хотя сам вопрос о границах законных интересов безопасности советского государства уже не обсуждался. Утратилось и понимание обостренного отношения Москвы к обеспечению своей безопасности, которое порой присутствовало в Вашингтоне во время войны. «С учетом истории иностранных нападений на СССР и влияния марксистской идеологии, — говорилось, например, в прогнозе УСС начала 1945 г., — советские лидеры, скорее всего, будут преувеличивать экспансионистские тенденции англо-американцев и возможность агрессии против СССР из любого источника... Преувеличивая грозящие своей стране опасности, они, вероятно, переборщат с экспансией советской мощи и влияния, необходимой для предотвращения или отражения этой агрессии» [9]. Поглощенные преувеличенными угрозами собственной безопасности, американские планировщики уже не утруждались входить в положение другой стороны. «Судя по всему, — признавал впоследствии Г. Киссинджер в рабочих заметках к своему визиту в Москву в апреле 1972 г., — мы недооценили советские опасения, вынесенные из опыта Второй мировой войны. Мы также недостаточно хорошо сознавали, что потребности безопасности континентальной державы заметно отличаются от потребностей державы, окруженной, как наша, со всех сторон океанами. Наша история отсутствия иностранных вторжений с 1812 года сделала нас невосприимчивыми к проблемам страны, подвергавшейся неоднократным нашествиям» [10, 2006, p. 412].

Еще одним уроком войны для советского руководства стало понимание необходимости дальнейшего укрепления оборонного потенциала страны, прежде всего ее промышленной и научной базы. Если уже Вторая мировая война была (по известному выражению И.В. Сталина) «войной моторов», то появление новых видов вооружений — атомной бомбы, ракетного оружия и др. — делало развитие новых военных технологий решающим фактором успеха в будущих войнах. Сразу же после Хиросимы в Кремле было принято решение о форсировании советской атомной программы, а в следующем году — об ускоренном развитии ракетной и радиолокационной техники [24]. Эти долгосрочные чрезвычайные программы требовали огромных средств и надолго определили характер бюджетных приоритетов СССР. Ускоренное развитие тяжелой промышленности (основы оборонных отраслей) стало главным приоритетом первой послевоенной пятилетки, сверстанной к концу 1945 г. Только решив эту задачу, как говорил И.В. Сталин в известной речи от 9 февраля 1946 г., СССР будет готов «к любым неожиданностям».

На Западе эта речь была воспринята чуть ли не как объявление холодной войны, хотя по сути речь шла примерно о той же перестраховочной «идеологии боеготовности», которую исповедовали

и лидеры США. В Москве тогда не ожидали непосредственной угрозы войны и не готовились к ней. К 1948 г. численность вооруженных сил сократилась до 1/4 уровня 1945 г., а военный бюджет 1946—1947 гг. — до 1/2. Однако И.В. Сталин и его соратники (как и их контрагенты в Вашингтоне) считали высокой вероятностью большой войны в более отдаленном будущем. Этому учили опыт предыдущих войн и стойкое идеологическое убеждение в неизбежности новых конфликтов, порождаемых самой природой капитализма. Большевицкий менталитет «вражеского окружения» с вытекающими из него заповедями бдительности и постоянной мобилизации для отпора врагам оставался в силе. Поначалу главным потенциальным источником угрозы виделась возрожденная Германия, а в 1947—1948 гг. ее сменил англо-американский блок, хотя в целом «перепрограммирование» на нового противника в советском случае проходило гораздо медленнее, чем в США. Военные планы СССР первых послевоенных лет, судя по отрывочным данным, носили оборонительный характер и предусматривали удержание линии обороны по границе советской зоны в Германии, а не наступательные операции в Западной Европе, как полагали американские планировщики [38, с. 240]. Показательно также, что И.В. Сталин отверг масштабные послевоенные планы ВМС о строительстве океанского военного флота как чрезмерно дорогостоящие и избыточные для решения главной задачи — обеспечения береговой обороны страны [29, с. 208].

Однако ряд пунктов сталинской послевоенной программы шел явно вразрез с интересами западных союзников, в первую очередь — стратегический прорыв на Средний Восток и в Средиземноморье, где СССР, по выражению Э. Бевина, «терся о края британской империи». Возникали серьезные расхождения в вопросах о будущем Германии и Японии, о характере советского доминирования в Восточной Европе. Советское видение безопасности вступало в противоречие с американским: обе стороны связывали ее укрепление с расширением сферы своего влияния, и основные различия касались средств решения этой задачи. США, располагая широким набором рычагов влияния, наряду с военной силой активно использовали торгово-экономические и финансовые ресурсы, тогда как СССР вынужден был опираться в основном на принуждение.

В стремлении не допустить новых военных провалов обе стороны прибегали к перестраховке и стремились к абсолютной безопасности, не считаясь с интересами друг друга. При этом стратегические запросы СССР были более ограниченными и в то же время — более обоснованными, чем запросы США: «синдром Барбароссы» был несравним с «синдромом Перл-Харбора». Ирония состоит в том, что многие уроки, извлеченные обеими сторонами из опыта

Второй мировой войны, мешали им мирно сосуществовать после нее. Но, к счастью, был и другой урок, общий для обеих держав — мировая война не должна повториться. Этот урок помог им удержаться от лобового столкновения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. АВП РФ (Архив внешней политики РФ). Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 31. Л. 7.
2. К вопросу о балтийских проливах и Кильском канале. 18 декабря 1945 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 175. Л. 162—163.
3. Коллекция документов Архива Президента РФ.
4. Майский — Молотову, 11 января 1944 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 8 (опубликованный вариант этого документа см.: Источник. 1995. № 4).
5. *Мартенс Ф.Ф.* Записка о проливах Босфорском и Дарданельском // Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / Сост. И.С. Рыбаченок. М., 2004. С. 94—96.
6. Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре—декабре 1945 г. // Источник. 1999. № 3.
7. Советско-норвежские отношения 1917—1955. М., 1997.
8. Bombing Targets in Russia, (JCS 80/5) 22 October 1945 // NA (National Archives). RG (Record Group) 165. ABC 384, United Nations (17 July 44). Sec. 1-A.
9. Estimate of Soviet Postwar Capabilities and Intentions, 18 January 1945 // NA. RG 165. ABC 384, United Nations, p. D 18.
10. Foreign Relations of the United States. Vol. II. 1945. Washington, 1967; Foreign Relations of the United States. Vol. XIV. Soviet Union October 1971 — May 1972. Washington, 2006.
11. JCS 1496/3, 20 September 1945 // NA. RG 218. CCS 381 (15—13—45). Sec. 2.
12. JCS 1518/3, 13 October 1945; Memorandum for the Chief of Staff by R. Lovett, 12 October 1945 // NA. RG 165. ABC 092 (18 July 1945). Sec. 1-A.
13. JCS Report on “Foreign Policy of the United States” (JCS 1592/2). 10 February 1946 // NA. RG 165. ABC 092 (18 July 1945). Sec. 1-B.
14. Memorandum for General Handy, July 4, 1945; US Policy Concerning Dardanelles and Kiel Canal (JCS 1481/1) // NA. RG 165. Exec. 17. Item 21-A.
15. Memorandum for General Hull, 8 October 1945 // NA. RG 165. ABC 040 (2 Nov 43). Sec. 5-A.
16. Military Position of the United States in the Light of Russian Policy, 8 January 1946 // NA. RG 165. ABC 092 (18 July 1945). Sec. 1-C.
17. Problems and Objectives of United States Policy, 2 April 1945 // NA. RG 334. Subject Files (OSS).
18. Proceedings, Meetings of JSSC, JWPC, JPS, JPWC, 3 August 1945 // NA. RG 165. ABC 381, United Nations (23 January 1942). Sec. 3-D, OPD.
19. Soviet Postwar Foreign Policy. Report by the Joint Intelligence Staff, 26 October 1945 // NA. RG 218. Geographic File 42—45. CCS 092 USSR (3—27—45). Sec. 2.

20. Strategic Concept and Plan for the Employment of the United States Armed Forces, 27 August 1945 // NA. RG 165. ABC 092 (18 July 1945). Sec. 1-A.

21. The New York Times. May 28, 1945.

22. U.S. Position with Regard to General Soviet Intentions for Expansion, 6 July 1945 // NA. RG 165. Exec. File 5. Item 21-A.

23. U.S. Post War Military Policy and Strategic Plan. Report by the Joint Staff Planners (JPS 633/4), 18 July 1945 // NA. RG 165. ABC 092 (18 July 1945). Sec. 1-A.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

24. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980-е годы). М., 2006.

25. Внешняя политика России. Конец XIX — начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.

26. *Мальков В.Л.* На пути к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004.

27. *Печатнов В.О.* США: дебаты по «русскому вопросу» весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 107—221.

28. *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах. Документальные очерки. М., 2006.

29. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

30. *Adler L., Paterson T.* Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism, 1930's—1950's // American Historical Review. April 1970.

31. *Gaddis J.* The Long Peace. Inquiries into the History of the Cold War. N.Y., 1987.

32. *Kimball W.* The Incredible Shrinking War: The Second World War, Not (Just) the Origins of the Cold War // Diplomatic History. 2001. Vol. 25. N 3. P. 347—365.

33. *Leffler M.* A Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration and the Cold War. Stanford, 1992.

34. *Mackinder H.* The Round World and the Winning of Peace // Foreign Affairs. July 1943. P. 595—605.

35. *Sherry M.* Preparing for the Next War. America's Plans for Post-War Defense. N.Y., 1976.

36. *Spykman N.* America's Strategy in World Politics. N.Y., 1942.

37. *Stoler M.* Allies and Adversaries. The Joint Chiefs of Staff, The Grand Alliance and U.S. Strategy in World War II. Chapel Hill, 2001.

38. War Plans and Alliances in the Cold War. Threat Perceptions in the East and West / Ed. by V. Mastny, S. Holtsmark, A. Wenger. London, 2006.